

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 3. С. 11–40.

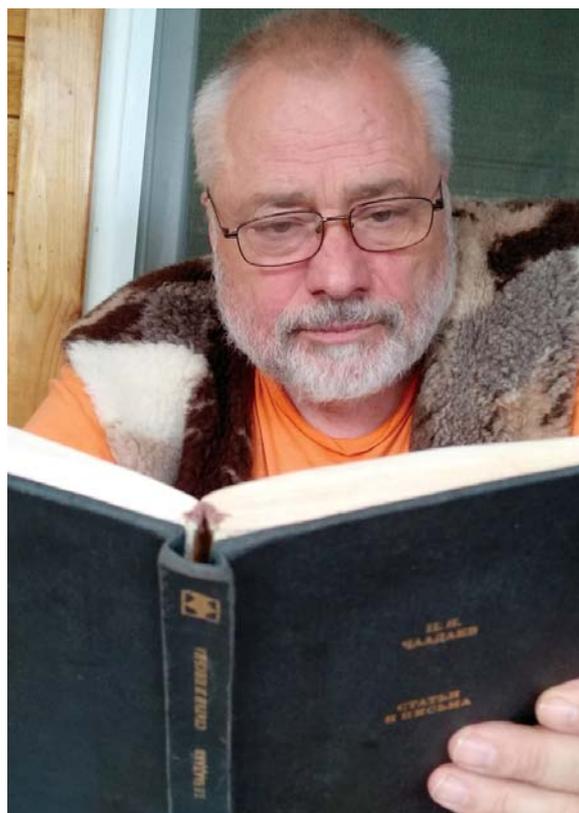
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 3. P. 11–40.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-3-11-40

СОЛОВЬЕВЫ: ОТЕЦ И СЫН. ДВА ГЕНИЯ

Владимир Карлович Кантор
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Аннотация. Существуют семьи, где из поколения в поколение рождались выдающиеся люди, в дальнейшем ставшие в своих странах значимыми фигурами. В России XIX века — это Аксаковы, Самарины, Мечниковы, Трубецкие, Чеховы и, конечно, Соловьевы. Автор рассматривает двух русских мыслителей — великого историка Сергея Михайловича Соловьева и его сына, философа Владимира Сергеевича Соловьева. Сам Сергей Михайлович думал о создании христианской философии истории, частью которой, по его мнению, должна стать философия русской истории. Из всех детей наиболее близким великому историку был его сын Владимир. И отец мудро прощал выходки молодого

пубертанта, даже когда тот выбросил в сад все иконы. Будто бы знал, что сын станет самым крупным религиозным мыслителем России. Позднее Владимир Сергеевич так объяснил свой мальчишеский бунт: «...не много нужно ума, чтобы отвергнуть веру — я ее отрицал в 13 лет». Как писали современники, В. С. Соловьев был первым русским действительно самобытным философом, подобно тому как Пушкин был первым русским народным поэтом. До Соловьева можно было говорить о немецкой философии, французской философии, английской философии, но применительно к нашей стране — лишь о философии в России. После Соловьева возникает и утверждается в результате его работы русская философия.

Ключевые слова: С. М. Соловьев, В. С. Соловьев, Гегель, русская история, христианство, самостоятельность мысли, раннее взросление, Чернышевский, Данте, всемирная теократия

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. Соловьевы: отец и сын. Два гения // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 3. С. 11–40. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-3-11-40.

From the Editor

SOLOVIEVS: FATHER AND SON. TWO GENIUSES

Vladimir K. Kantor

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. There are families where, from generation to generation, outstanding people were born who later became significant figures in their countries. In Russia of the 19th century, these are the Aksakovs, Samarins, Mechnikovs, Trubetskoys, Chekhovs and, of course, the Solovyovs. The author examines two Russian thinkers — the great historian Sergei Mikhailovich Solovyov and his son, philosopher Vladimir Sergeevich Solovyov. Sergei Mikhailovich himself thought about creating a Christian

philosophy of history, a part of which, in his opinion, the philosophy of Russian history should become. Of all the children, the closest to the great historian was his son Vladimir. And the father wisely forgave the antics of the young puberty, even when he threw all the icons into the garden. As if he knew that his son would become the largest religious thinker in Russia. Later, Vladimir Sergeevich explained his boyish rebellion this way: “...it doesn’t take much intelligence to reject faith — I rejected it at the age of 13.” As contemporaries wrote, V. S. Solovyov was the first Russian truly original philosopher, just as Pushkin was the first Russian folk poet. Before Solovyov, one could talk about German philosophy, French philosophy, English philosophy, but in relation to our country — only about philosophy in Russia. After Solovyov, Russian philosophy emerged and was established as a result of his work.

Keywords: S. M. Solovyov, V. S. Solovyov, Hegel, Russian history, Christianity, independence of thought, early adulthood, Chernyshevsky, Dante, world theocracy

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V. K. (2024) “Solovievs: Father and Son. Two Geniuses”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(3), pp. 11–40. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2024-7-3-11-40.

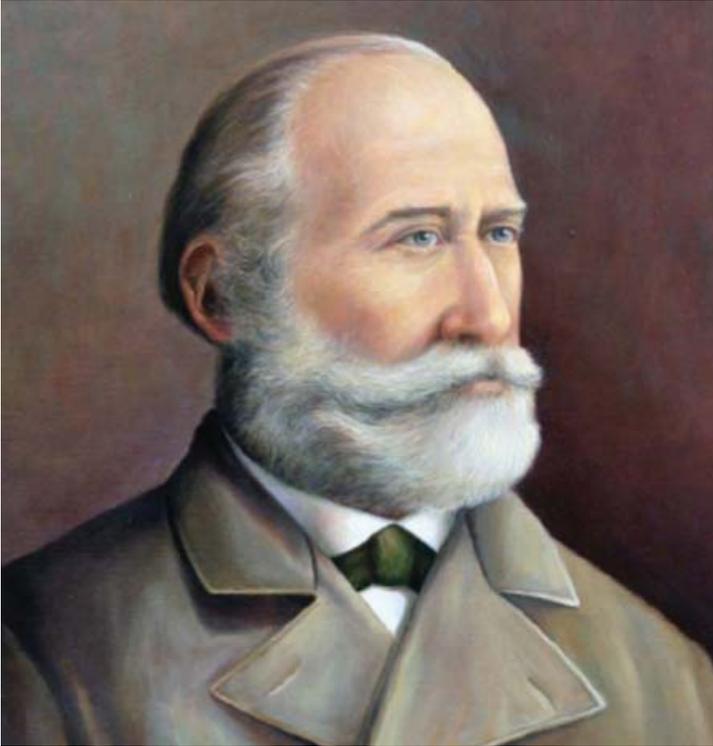
Говорят, что природа отдыхает на детях гениев. Но в истории многих культур бывают семьи, где дети гениев тоже одаривают мир гениальными творениями. Существуют и роды, где из поколения в поколение рождались выдающиеся люди, в дальнейшем ставшие в своих странах значимыми фигурами. В России XIX века — это Аксаковы, Мечниковы, Трубецкие, Чеховы и, конечно, Соловьевы. Речь здесь пойдет о Владимире Соловьеве.

Стоит, наверно, начать с двоюродного прадеда философа.

Григорій Савич Сковорода (1722–1794) — родоначальник русской религиозной философии. Он приходится двоюродным прадедом Владимиру Соловьеву по материнской линии. Эпитафия, кото-

Григорій Савич Сковорода

Сергей Михайлович Соловьев

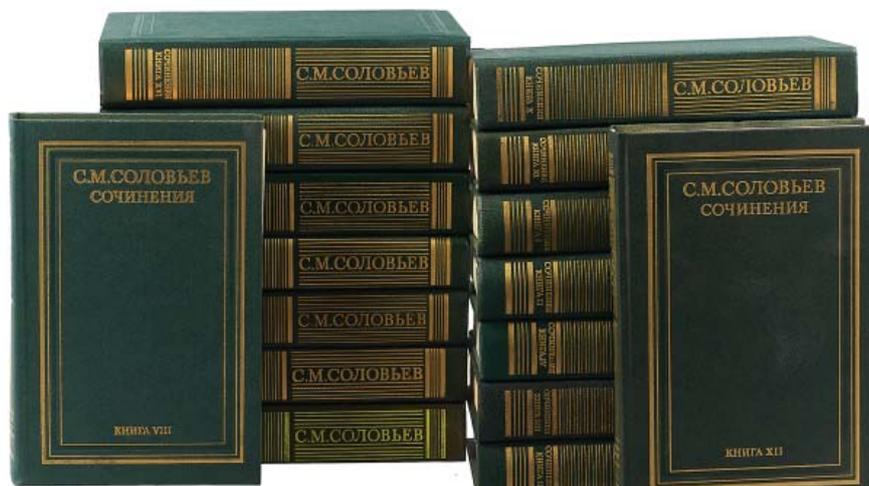
Михаил Васильевич Соловьев

рую сочинил для себя Скворода, — *«Мир меня ловил, но не поймал»* — вполне применима к бесребреннику-потомку.

А вот и дед — протоиерей Михаил Васильевич Соловьев (1791–1861).

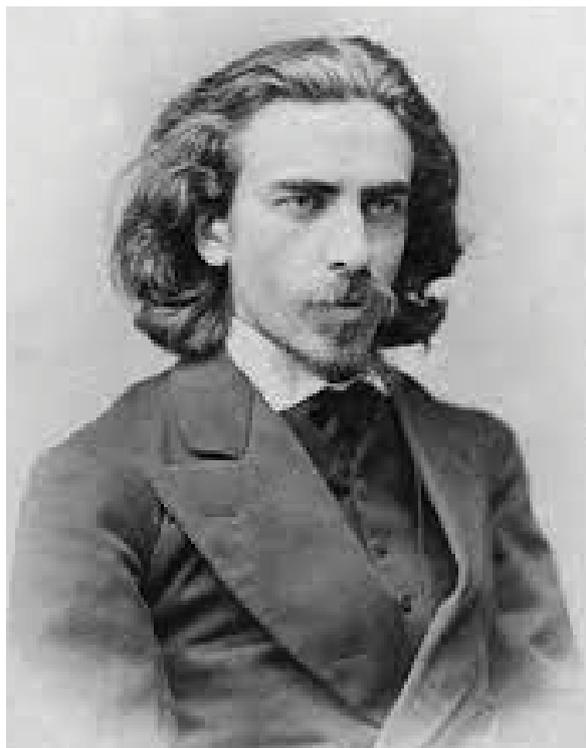
Отец — великий историк Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879), автор многотомной «Истории России».

Свою самую философски фундированную книгу «Оправдание добра» Владимир Соловьев поставил в семейный контекст: *«Посвящается моему отцу историку Сергею Михайловичу Соловьеву и деду священнику Михаилу Васильевичу Соловьеву с чувством живой признательности и вечной связи».*

Поликсена Владимировна Соловьева

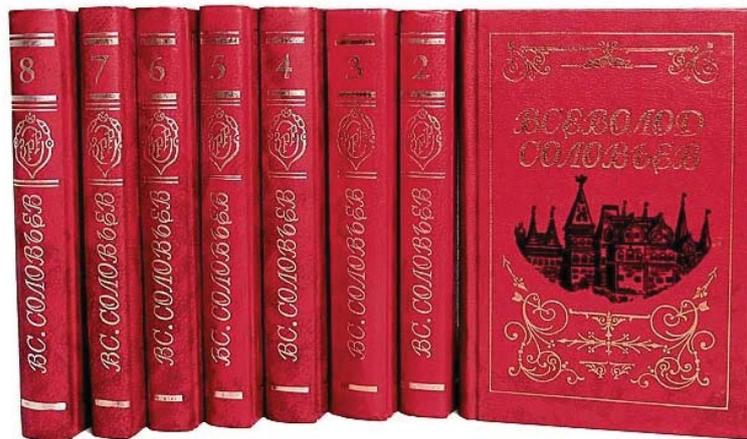
Владимир Сергеевич Соловьев

Поликсена Владимировна Соловьева (1828–1909) — жена С. М. Соловьева, мать Владимира Соловьева, и великий философ и поэт Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900). Добавлю, что в прошлом году мир отметил 170-летие со дня его рождения.

А еще старший брат Владимира Всеволод Сергеевич (1849–1903) — замечательный исторический романист, можно сказать, русский Александр Дюма, создавший многотомную сагу на сюжеты русской истории и показавший, что тайны московского Кремля не менее интригующие, чем тайны Парижа и парижского Лувра. Конечно, в отличие от брата Владимира он не ощущал трагизма жизни и катастрофизма исторического развития, хотя дружил с Достоевским, самым страшным русским писателем. Его проза — это мелодрамы, очень хорошо написанные.

Всеволод Сергеевич Соловьев

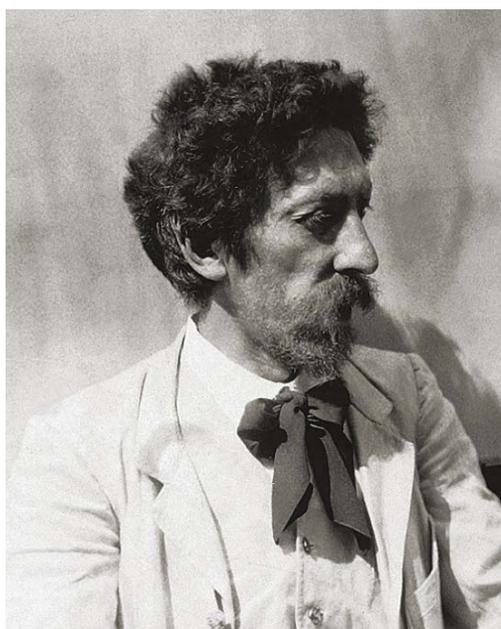

Поликсена Сергеевна Соловьева (1867–1924) — дочь историка и сестра философа, писавшая стихи и издававшая их под псевдонимом *Allegro*.

Михаил Сергеевич Соловьев (1862–1903) — педагог, переводчик Платона, брат, друг и единомышленник В. С. Соловьева, издатель и редактор посмертного собрания его сочинений.

Мария Сергеевна Безобразова, урожденная Соловьева (1863–1919) — русская детская писательница, мемуаристка, переводчица. Автор мемуаров «Воспоминания о брате Владимире Соловьеве».

Сергей Михайлович Соловьев (1885–1942) — русский поэт-символист. Сын переводчика М. С. Соловьева, внук историка С. М. Соловьева, племянник Владимира Соловьева, троюродный брат Александра Блока, друг Андрея Белого. Автор лучшей книги о Владимире Соловьеве. Священник, возглавлял общину

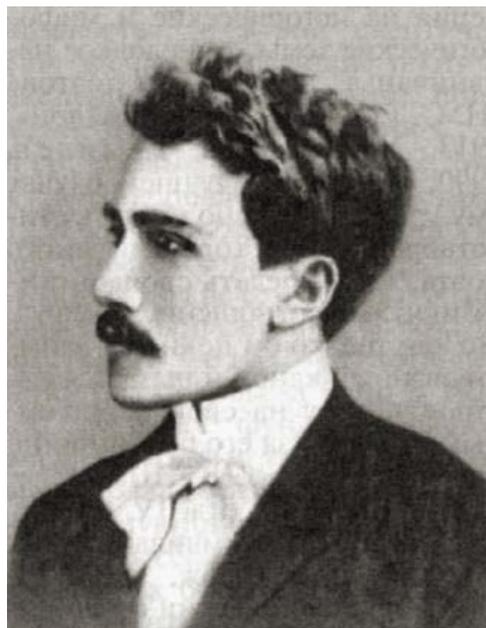
Михаил Сергеевич Соловьев

Поликсена Сергеевна Соловьева

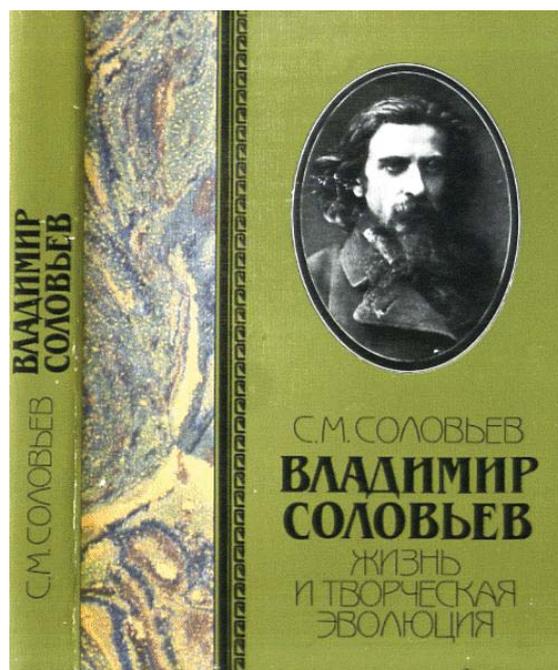
Мария Сергеевна Безобразова

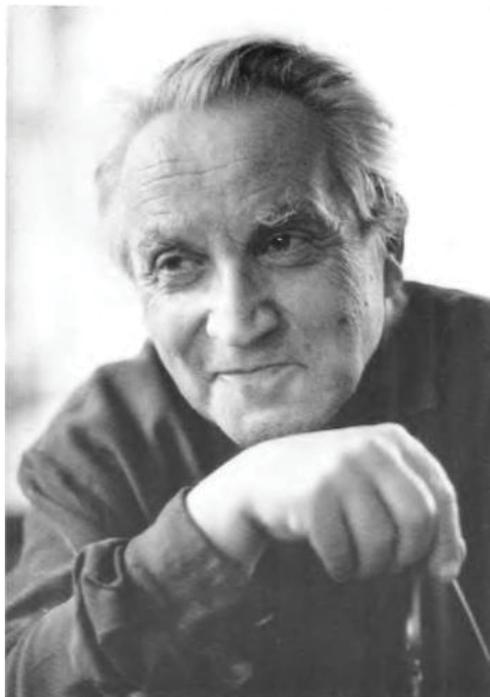

Сергей Михайлович Соловьев

московских католиков восточного обряда. В советское время умер в психиатрической лечебнице.

Хочу сделать небольшой экскурс в сторону, создав некое отвлечение от моего рассказа. Я уже учился в университете, читал Достоевского — только что изданное собрание серого цвета. У отца был том Бердяева, который потом заиграл его друг — потрясающий поэт Наум Коржавин. О Соловьеве я слышал, но к тому времени не прочитал, кажется, почти ни строчки. Он не издавался, даже в букинистических мне не попадался. Правда, как в тумане вспоминаю старинную московскую квартиру бывшей графини, где мы, студенты, выпивали у ее внучки, а я в процессе пьянки все-таки прилип к книжным полкам. И вдруг вытащил книгу (или вырезку из книги?) «Краткая повесть об антихристе», выпросил ее. Дома прочитал, ничего не понял, но имя Владимира Соловьева отметил для себя. Надо добавить, что на первом курсе древнерусскую литературу нам читал знаменитый филолог, профессор Николай Иванович Либан. Как узнал я недавно, он был потомком виконта Анри Жозефа де Либана, семья которого перебралась в Россию после 1812 года.

Николай Иванович Либан

Свои лекции он начал неожиданно со стихотворения Владимира Соловьева:

Смерть и Время царят на земле,
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

Студенты молча проглотили непонятные стихи, не догадываясь, что время — удивительный союзник смерти. Все же к Соловьеву по-настоящему я пришел примерно через год. Но у меня был еще Достоевский, и мой диплом о нем захотел оппонировать и оппонировал Николай Иванович.

Вообще, в 1960–1970-е годы мы начали искать свою культуру. Тыкались в спецхрановские и тамиздатовские книги. Бывали, однако, удачи. В 1965-м, когда мне было 20 лет, я поехал к друзьям в Ереван. Там мы с женой провели почти месяц, путешествуя по Армении, добрались до Гарни, Гегарда, открывая этот чудесный мир. Было много приключений, были и чудесные встречи, одна из которых обернулась дружбой на всю жизнь и неожиданным приобретением десятитомника Владимира Соловьева: в одном из сел мы познакомились с молодым художником Яном Райхваргером.

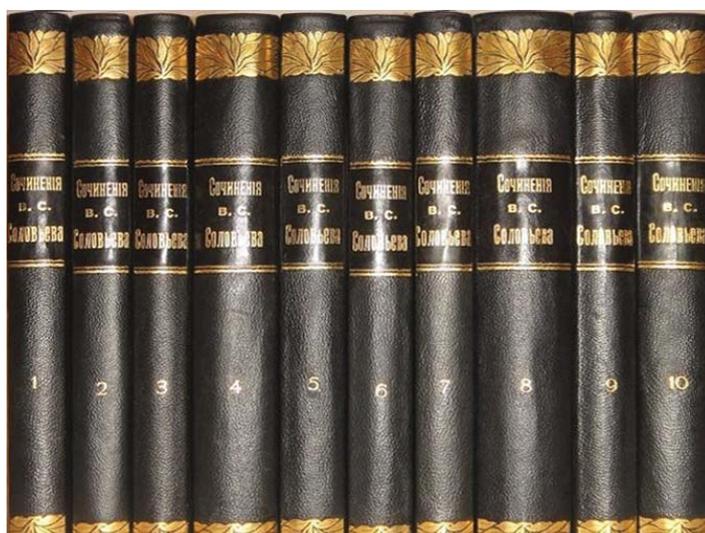
Разумеется, еще в Армении мы о многом говорили, даже о философии. По-ведал я и о попытке понять «Краткую повесть об антихристе», сказал, что мне

Ян Раухвергер

не хватает контекста, других работ Соловьева. И вдруг как-то вечером, уже в Москве, Ян звонит и говорит, что он как друг нашел для меня собрание сочинений философа. Продает одна старушка на Арбате. И всего за 50 рублей. Я учился на филологическом в МГУ на вечернем, работал во Дворце пионеров на Ленгорах за 50 рублей в месяц. «Да, — сказал я себе, — проживем». Следующим утром я отправился на Арбат к этой старушке, не могу припомнить, как выглядело ее жилище, да и старушку не помню. Но вот десяти томник Соловьева остался у меня.

Случилось невероятное. Нигде нельзя было его достать, однако благодаря Яну я получил эти книги. Мной овладело странное чувство вдруг разбогатевшего человека. Потому что для меня это и было богатство, сокровище! Я начал читать, и сразу потянулись нити и к славянофилам, и к Серебряному веку (Блоку, Белому), и к его отцу-историку, и, к удивлению моему, к Чернышевскому.

Вдруг недели через две мне позвонил по телефону какой-то парень из Харькова, сказал, что он друг Яна, и попросил на одну ночь том Соловьева с его работой «Критика отвлеченных начал». На всякий случай я отзвонил Яну. Он подтвердил, я дал книгу, хотя сказал парню, что он вряд ли за ночь одолеет этот том. Но наутро парень принес том и сказал, что все в порядке, что он весь текст *застенографировал*. Да, были люди в наше время!

Теперь Ян живет в Израиле. Думаю, не случайно этот десяти томник я получил через израильского друга. Про Соловьева его современники говорили, что это один из самых сильных мистических умов. Его любовь к еврейскому народу достаточно известна. Соловьев скончался в Узком, имении Трубецких. Князь С. Н. Трубецкой так описал последний день философа:

Он исповедовался и причастился св. тайн с полным сознанием. Силы его слабели; он меньше говорил, да и окружающие старались говорить с ним возможно меньше; он продолжал молиться — то вслух, читая псалмы и церковные молитвы, то тихо, осеняя себя крестом. Молился он и в сознании, и в полузабытьи. Раз он сказал моей жене: «Мешайте мне засыпать, заставляйте меня молиться за еврейский народ, мне надо за него молиться», и стал громко читать псалом по-еврейски. Те, кто знал Владимира Сергеевича и его глубокую любовь к еврейскому народу, поймут, что эти слова не были бредом.

[Трубецкой, 2000, с. 210]

Так что собрание сочинений Владимира Соловьева мне досталось как подарок судьбы и иудейского Бога. А Соловьев словно провидел грядущий Холокост, не случайно «молился за еврейский народ», и это поражает до глубины души.

Сразу хочу заметить, что из всех детей наиболее близким великому историку был его сын Владимир. И отец мудро прощал выходки молодого пубертанта, даже когда тот временно стал материалистом и выбросил в сад все иконы. Будто бы знал, что сын станет самым крупным религиозным мыслителем в России. Позволю себе несколько больших цитат. Ибо и отец, и сын были люди рефлектирующие и пишущие.

Начну со студенческой работы С. М. Соловьева «Философический взгляд на историю России» (1841)¹. Думаю, что в названии не случайна перекличка с «Философическим письмом» Чаадаева (1836). И здесь отец как бы намечал

¹ К сожалению, статья впервые была опубликована лишь в 1996 году и не вошла в широкий научный оборот.

Сергей Михайлович Соловьев

философский подход к осмыслению России, которым пойдет его сын Владимир. «Философия истории, — писал Сергей Михайлович, — есть одно из величайших явлений нашего века. (...) Гердеру, но всего более Гегелю принадлежит слава систематического построения мыслительного рассматривания истории. Последний философ произнес истину неоспоримую, что каждый народ должен иметь свою философию, как имеет свою историю, и, следовательно, должен иметь свою философию своей истории. Отсюда рождается вопрос: какова же должна быть философия русской истории?» [Соловьев, 1996, с. 9–10].

Желание отца реализовал его сын Владимир. Что я имею в виду? «...Я с ранних лет, — писал С. М. Соловьев, — был пылкий приверженец христианства, и в гимназии еще толковал, что буду основателем философской системы, которая, показав ясно божественность христианства, положит конец неверию (выделено мной. — В. К.). Внутри меня было много религиозности, выражавшейся в набожности; я ничего не начинал без молитвы; вера была сильная: не готов к отвратительному математическому уроку, не приготовился из некоторых частей науки к экзамену, помолюсь, крепко верую, что этого у меня не спросят, — и действительно не спрашивали; другой товарищ найдется в подобном положении, боится, что *срежется* (по гимназическому выражению), — говорю ему: “Не бойся, только веруй”; молюсь за него, верую за него, — и его не

спрашивают. Религиозности было много, но христианства было мало; успехи, первенство воздымали дух, высокое мнение о самом себе, развивали гордость, эгоизм; самую веру свою я считал привилегиєю, особенным знаком Божьего благоволения, ручательством за будущие успехи. В виду были только эти успехи, успехи внешние, житейские, — о нравственном преуспейнии, о *внутреннем* мало думалось; говорю — о *внутреннем*, ибо извне-то было все чисто и чинно, я первенствовал и относительно поведения. Правда, находили и тут иногда минуты опамятования, когда я сознавал необходимость внутреннего нравственного совершенствования и решался внимательнее смотреть за собою, строго — за своими мыслями и словами, но такая решительность не бывала продолжительна: бури молодости срывали утлый челн с якоря» [Соловьев, 1995а, с. 553].

Владимир Сергеевич объяснил свой мальчишеский бунт в письме 1872 года к любимой девушке Кате Романовой (в замужестве Селевиной):

Конечно, не много нужно ума, чтобы отвергнуть эту веру — я ее отрицал в 13 лет, конечно, человек сколько-нибудь рассуждающий уже не может верить так, как он верил, будучи ребенком; и если это человек с умом поверхностным или ограниченным, то он так и останавливается на этом легком отрицании своей детской веры в полной уверенности, что сказки его няnek или школьные фразы катехизиса составляют настоящую религию, настоящее христианство. С другой стороны, мы знаем, что все великие мыслители — слава человечества — были истинно и глубоко верующими (атеистами же были только пустые болтуны вроде французских энциклопедистов или современных Бюхнеров и Фохтов, которые не произвели ни одной самобытной мысли). Известны слова Бэкона, основателя положительной науки: немножко ума, немножко философии удаляют от Бога, побольше ума, побольше философии опять приводят к Нему.

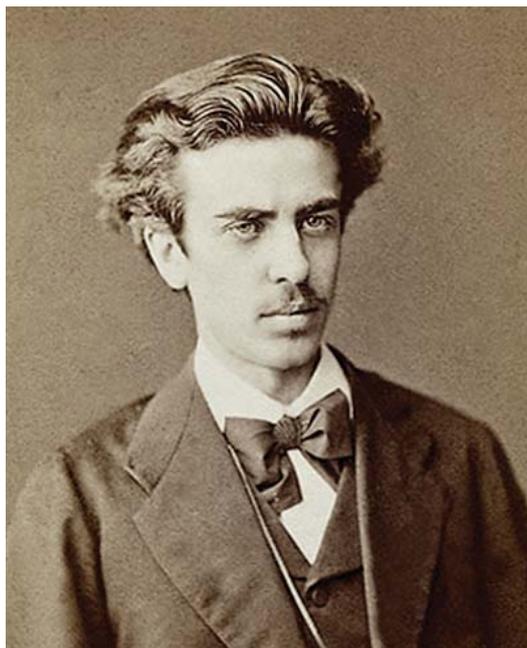
[Соловьев, 2000, с. 43]

Поразительная зрелость девятнадцатилетнего молодого человека!

В 1874 году, 21 года отроду, он защитил магистерскую диссертацию, названную ни больше ни меньше как «Кризис западной философии». Ученый мир Петербурга был потрясен. Конечно, многие увидели в нем законного наследника гениального отца.

Сошлюсь на биографическую книгу В. Л. Величко:

Вот что пишет о первом успехе Владимира Соловьева известный наш историк, академик К. Н. Бестужев-Рюмин вдове профессора С. В. Ешевского: «Доро-

Владимир Сергеевич Соловьев в год защиты магистерской диссертации

гая моя Юлия Петровна! Был вчера диспут вашего любимца Соловьева. Знаю, что он интересуется вас, и потому спешу написать вам несколько слов. Такого диспута я не помню, и никогда мне не случалось встречать такую умственную силу лицом к лицу. Необыкновенная вера в то, что он говорит, необыкновенная находчивость, какое-то уверенное спокойствие — все это признаки высокого ума. *Внешней манерой он много напоминает отца, даже в складе ума есть сходство; но мне кажется, что этот пойдет дальше* (выделено мной. — В. К.). В нашем круге осталось какое-то обаятельное впечатление; Замысловский, выходя с диспута, сказал: «Он стоит точно пророк». И действительно, было что-то вдохновенное. Оппонентов было много из публики, спор был оживленный; публика разделилась на две партии: одни хлопали Соловьеву, другие — его противникам. Если будущая деятельность оправдает надежды, возбужденные этим днем, Россию можно поздравить с гениальным человеком...».

Так ярко занялась заря, предвещавшая день, полный великих трудов и немалых бурь.

[Величко, 2000, с. 243]

Стоит добавить, что в 1878 году в Петербурге, в Соляном городке он прочитал цикл лекций «Чтения о Богочеловечестве», которые произвели огромное впечатление на Достоевского. Он ввел мотивы этих лекций в первые главы своего великого романа «Братья Карамазовы».

* * *

Я долго выползал из коллективистской парадигмы, где «каплею льешься с массами» (Маяковский), хотя индивидуализма и самости у человека, написавшего трагедию «Владимир Маяковский», хватало. Но его Я звучало все же поэтически, к повседневной жизни отношения не имело. И вот, столь же молодой, как Маяковский периода «Облака в штанах», философ Соловьев в своей магистерской диссертации написал очень простые слова, которые позволили мне осознать себя как самостоятельную единицу:

Поэтому философия в смысле мировоззрения есть мировоззрение *отдельных* лиц. Общее мировоззрение *народов* и племен всегда имеет *религиозный*, а не философский характер, и потому, пока *все* отдельные лица живут общей духовной жизнью народа, философия как самостоятельное и верховное воззрение невозможна: умственная деятельность лиц вполне определяется народными верованиями. Это ясно *a priori* и несомненно исторически. Итак, философия возникает только тогда, когда для отдельного мыслящего лица вера народа перестает быть его собственной верой, теряет для него значение внутреннего безотчетного убеждения, из начала жизни становится только предметом мышления; философия начинается, когда мыслящее лицо отделяет свое мышление от общей веры, противопоставляет его этой вере как *внешнему*.

[Соловьев, 1911, с. 29]

Эта позиция позволяла быть в состоянии так называемой «находимости-вненаходимости», когда сидишь в компании, а при этом сам по себе. Соловьев в юности осознал это. Поразительно раннее взросление гения. Именно философского гения. Хотя не надо забывать, что он был еще и поэт.

Что еще потрясало в Соловьеве — это самостоятельность взгляда на мир. Конечно, в те года я был еще не очень начитан, но *самостоятельность чувствуется*, особенно молодым человеком. Как я потом вычитал, именно это отмечали его философские друзья. В первом же сборнике статей после его смерти Лев Лопатин писал:

Пушкин первый стал воспроизводить не литературу о действительности, а самую действительность, как он ее понимал, видел и переживал; через это он явился первым создателем настоящего русского художественного слова. Соловьев начал первый писать не о чужих мнениях по вопросам философии, а о самых этих вопросах и стал их решать по существу, независимо от всяких мнений, — через это он сделался первым представителем уже не отраженной

иностранный, а настоящей русской философской мысли. Я этим вовсе не хочу сказать, что Соловьеву в умственной жизни русского народа принадлежит значение, равное Пушкину; но ведь и вообще значение отвлеченной философии нельзя сравнивать с значением художественной литературы. Все же остается справедливым, что Соловьев был первым русским действительно самобытным философом, подобно тому, как Пушкин был первый русский народный поэт.

[Лопатин, 1901, с. 53–54]

И тем не менее значение невероятное. *До Соловьева можно было говорить о немецкой философии, французской философии, английской философии, но применительно к нашей стране — лишь о философии в России. После Соловьева возникает и утверждается в результате его работы русская философия.*

В 1830 году русский поэт и литературный критик Степан Шевырев написал: «Что в море купаться, то Данта читать». Именно такое чувство испытываешь, погружаясь в глубины соловьевского текста. Недаром он называл себя продолжателем дантовской имперской идеи. *Это звучало как проблемы всемирной теократии*². Империя предполагала в основе своей прочное государство. И в этом смысле сын не мог не поддержать отца-историка, убежденного государственника. Замечу, что в эти годы окраинные пугачевские мятежи перешли на страницы печати. Напомню призыв Михаила Бакунина к антигосударственному бунту:

Одним из главных средств к уничтожению государства по моему глубокому убеждению, может и должно служить наше вольное всенародное казачество, бесчисленное множество наших святых и несвятых бродяг, богомоллов, бегунов, воров и разбойников — весь этот широкий и многочисленный подземельный мир, искони протестовавший против государства и государственности и против немецко-кнutowой цивилизации.

[Бакунин, 1989, с. 541]

Собственно, отвечая на эти носившиеся в воздухе восклицания Бакунина, а за ним и Герцена, полностью поддержавшего оголтелого Мишеля, С. М. Соловьев пытался утихомирить их рассудительными мыслями:

В последнее время, когда русская мысль, недостаточно установленная правильным научным трудом, произвела несколько странных явлений в нашей

² См. об этом мою статью: [Кантор, 2004].

литературе, в некоторых так называемых исторических сочинениях выказалось стремление выставить этих героев леса и степи, разбойников и казаков, с выгодной стороны, выставить их народными героями, в их деятельности видеть протест во имя народа против тягостен и неправды тогдашнего строя государственной жизни. Протест! Мы привыкли к этому слову, оно легко для нас, как легко самое дело. Но в сущности это дело не так легко, а потому и слово не должно употребляться легкомысленно; в сущности в самой тесной связи с ним находятся слова: подвиг, пророчество, мученичество, и, конечно, это слово во все нейдет к людям, которые покидали своих собратий в их подвиге, в их тяжелом труде и уходили, чтоб гулять и жить на чужой счет, на счет тяжкого труда своих собратий. Хорош протест во имя народа, во имя народных интересов, протест, состоящий в том, чтобы мешать народному труду, мешать труженикам трудиться и посредством труда улучшать свое положение! Хорош протест против неправды под знаменем лжи, под знаменем самозванства! Нет, все наше сочувствие принадлежит не тем, которые ушли, но тем, которые остались; все наше сочувствие принадлежит тем земским русским людям, которые разработали нашу землю своим трудом великим, подвигом необычайным, потому что были поставлены в самые неблагоприятные обстоятельства, должны были преодолеть страшные трудности, должны были бороться с природою-мачехою, при ничтожных средствах защищать обширную страну от врагов, нападавших на нее со всех сторон, и, несмотря на все препятствия, создали крепкую народность, крепкое государство.

[Соловьев, 1995b, с. 25–26]

Не помогало. Росло влияние бакунинского антигосударственного анархизма, к которому в пору пришелся и антигосударственный бунт Льва Толстого. Владимир Сергеевич добавил к рассуждениям отца историософское соображение:

Называя государство городом, греки — первые создатели чисто человеческой культуры — указали на существенное значение для государства его *культурной* задачи, и верность этого указания подтверждается разумом и историей. Если свободные роды и племена принимают принудительную организацию, если частные интересы подчиняются условиям, необходимым для существования целого, то это делается не с тем, конечно, чтобы поддерживать дикую, полуживотную жизнь людей. Государство есть необходимое условие человеческой образованности, культурного прогресса. Поэтому принципиальные противники государственной организации бывают непременно вместе с тем и принци-

пиальными противниками образованности. Но так как прямо проповедовать дикость и простоту звериного быта решаются лишь немногие, то придумано ad hoc софистическое разделение между внешней, материальной культурой — и внутренним, духовным просвещением человека. Что эти две стороны исторического процесса различаются между собой и что высокое развитие одной из них не всегда совпадает с таким же развитием другой в единичных случаях, — об этом нет спора, и останавливаться на этой очевидной истине не было бы никакого интереса. <...>

Противники культуры, воображающие, что существование необразованных праведников доказывает что-нибудь в пользу их мнения, закрывают глаза на то, что мы имеем здесь примеры необразованности лишь весьма относительной. Но именно решающее значение имеет здесь вопрос: могли ли бы даже такие праведники появиться в среде безусловно дикой? <...> Отчего сам Богочеловек мог родиться только тогда, когда настала «полнота времен»? Отчего Он явился лишь в VIII-м веке после основания вечного *города*, в пределах великого римского *государства*, среди *культурного* населения Галилеи и Иерусалима? Когда твердят общее место о «галилейских рыбаках», то забывают, во-первых, что «паче всех потрудился» для христианства (как по сознанию самой церкви, так и по сознанию ее врагов) ученый книжник и образованный римский гражданин Павел, ссылавшийся на эллинских поэтов и на римские законы; во-вторых, и рыбаки-апостолы вовсе не были дикарями и невеждами, а были воспитаны на Книге Законов и Пророков; и, наконец, в-третьих, для исполнения своего дела они должны были еще научиться писать по-гречески.

[Соловьев, 1989а, с. 552–554]

Но как возможно государство в раздираемом войнами и конфликтами мире, особенно в России, куда западные путешественники ездили подивиться на дикость белых дикарей, относясь к стране как возможной колонии? Его необходимо было строить, продолжая работу Петра. Это очень чувствовал сын саратовского священника, понимавший необходимость защиты государства. Дело в том, что Саратов был своего рода внутренним фронтиром, стоял на Волге, через которую шли орды разбойников. Всего полвека назад Пугачева и его восстание усмиряла армия. Полагаю, что Чернышевский хотя бы по рассказам родителей знал, что «до половины XVII века вся Европейская Россия была театром таких событий, при которых можно дивиться разве тому, что уцелели в ней хотя те малочисленные жители, которых имела она при Петре. Татарские набеги, нашествия поляков, многочисленные шайки разбойников,

Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889)

походившие своей громадностью на целые армии, — все это постоянно дотла разоряло русские области» [Чернышевский, 1950, т. V, с. 690]. Что можно было этому противопоставить? Только сильное государство, обладающее сильной армией. Именно так Чернышевский понимал задачу Петра:

...цель Петра была гораздо проще, практичнее, сообразнее с его положением и понятиями. Ему нужно было сильное регулярное войско, которое умело бы драться не хуже шведских и немецких армий; ему нужно было иметь хорошие литейные заводы, пороховые фабрики; он понимал, что элементы военного могущества ненадежны, если его подданные сами не обучатся вести военную часть, как ведут ее немцы, если мы останемся по военной части в зависимости от иностранных офицеров и техников; стало быть, представлялась ему надобность выучить русских быть хорошими офицерами, инженерами, литейщиками. Раз пошедши по

этой дороге, занявшись мыслью устроить самостоятельное русское войско в таком виде, как существовало войско у немцев и шведов, он по своей энергической натуре развил это стремление очень далеко и, заимствуя у немцев или шведов военные учреждения, заимствовал, кстати, мимоходом и все вообще, что встречалось его взгляду. (...) Совершенная переделка такого громадного факта, как военная часть, повлекла за собою множество переделок во всем.

[Чернышевский, 1950, т. VII, с. 611–613]

Текст несколько грубоватый, но убирающий всякие заслоняющие реальность восхваления, выразивший пафос трезвого подхода к явлениям истории. Сегодня нам отчетливо ясна правота Чернышевского и великая задача Петра. Без сильной армии Россия была бы уничтожена, если не Наполеоном, то уж точно Гитлером. Такая трезвость вообще характерна для этого мыслителя, великого русского человека с абсолютно трагической судьбой, которого высоко ценили и отец, и сын Соловьевы и о котором вполне панегирически написал Василий Розанов:

Конечно, *не использовать* такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства — было преступлением, граничащим со злодеянием. (...) ...с самого Петра (I-го) мы не наблюдаем еще природы, у которой каждый час бы *дышал*, каждая минута *жила* и каждый шаг обвеян «заботой об отечестве». (...) Такие *лица* рождаются веками; и бросить его в снег и глушь, в ели и болото... это... это... черт знает что такое.

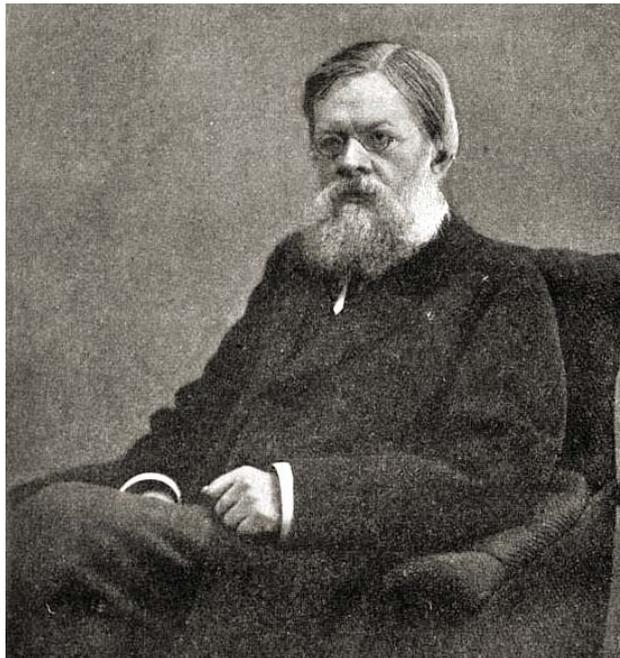
[Розанов, 1990, с. 207–208]

Написав, как я купил за 50 рублей десятитомник Соловьева, не могу не сказать, как покупал пятнадцатитомное собрание сочинений Чернышевского в магазине подписных изданий на Кузнецком мосту по 30 копеек за том. Так изнавозили мыслителя, что продавались его тома по бросовой цене, почти как макулатура. Соловьева не печатали, а Чернышевский стал вампукой.

Мы забываем, что после расправы над Чернышевским в XIX веке о нем

Книжный магазин подписных изданий на Кузнецком мосту

Александр Николаевич Пыпин (1833–1904)

запрещено было упоминать. Его помнили, но в печати о нем не говорили. Потом его стали понимать как предшественника Ленина. К тому же его эстетика воспринималась практически всеми пишущими либералами как «мертвечина». Благородный двоюродный брат, обожавший с детства старшего Николая, академик Александр Николаевич Пыпин помогал ему на каторге и делал все, чтобы вернуть имя брата читающей публике России.

В 1893 году был издан сборник статей Н. Г. Чернышевского, и имя, долго находившееся под запретом, вновь появилось на страницах русской печати. Главному редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу В. С. Соловьев написал о предлагаемой статье: «Ее очень удобно связать с недавними эстетическими толками (...); к тому же в ней есть нечто специально приятное для нашего приятеля А. Н. Пыпина, именно некоторое заступничество за Чернышевского против Боборыкина, который недавно боборыкнул покойного в нашем московском философском журнале» [Соловьев, 1908, с. 114]. Статья вышла в № 1 «Вестника Европы» (1894). Она заканчивалась словами:

Я не стану также защищать все те 17 тезисов, которыми заканчивается его диссертация. Главное ее содержание сводится к двум положениям: 1) существующее искусство есть лишь слабый суррогат действительности, и 2) красота в природе имеет объективную реальность, — и эти тезисы останутся. Их утверждение в трактате, стесненное пределами особого философского кругозора автора (он был в то время крайним приверженцем Фейербаха), не разрешает, а

Алексей Федорович Лосев (1893–1988)

только ставит настоящую задачу; но верная постановка есть первый шаг к решению.

[Соловьев, 1914, т. 7, с. 77]

С тех пор прошло много лет, к эстетике Чернышевского наши эстетики по-прежнему относятся с полупрезрением. Но стоит привести слова А. Ф. Лосева, крупнейшего отечественного философа прошлого века, в передаче Владимира Биbihина (русского Эккермана):

Что в России... Россия беспросветное мужичество. В России нужно только водку и селедку. Алкоголизм и селедка. Эстетики мизерные. Ну вот только Владимир Соловьев. Он защищал тезис Чернышевского, что прекрасное это жизнь. Так же как греки, онтологично. Прекрасное есть бытие. Вот разве что он. (...) Белинский, Чернышевский, Добролюбов — у них прекрасное это жизнь. Чернышевского диссертация хороша.

[Биbihин, 2006, с. 23]

Надо сказать, что Соловьев и Пыпин и в самом деле были приятелями, часто проводили время за шахматами в редакции «Вестника Европы». В один из таких дней «1897 года, когда Мих. Н. Чернышевский, — вспоминает дочь Пыпина, — зашел к моему отцу в редакцию посоветоваться, к кому можно было бы обратиться с просьбой написать статью о Николае Гавриловиче для “За-

А. Н. Пыпин и В. С. Соловьев

каспийского обозрения”. Соловьев, услышав этот разговор (он сидел тут же, в редакционном кабинете), сказал: “Я напишу”» [Пыпина-Ляцкая, 2000, с. 430].

Речь шла, как нам понятно, о воспоминаниях о Чернышевском, поскольку статью о его диссертации он опубликовал в 1894 году. Эти воспоминания он написал. Не пропустила цензура. Но в них отчетливо прозвучала связь и духовная близость отца и сына. Сын писал, как к отцу-историку пришли его приятели, классические «люди сороковых годов» — Е. Ф. Корш и Н. Х. Кетчер, отнюдь не нигилисты, и с возмущением рассказывали о неправом суде над Чернышевским. Все трое возмущались, сильнее всех С. М. Соловьев, который, как и Чернышевский, был сын священника. А священники стали по гениальной угадке Петра вторым после дворянства эшелон просвещения в России. Ведь сан мог принять только прошедший семинарию, где обязательными были церковнославянский, латынь, древнегреческий и какой-либо современный язык. Возможно, это ощущение культурно-социальной близости тоже сыграло свою роль.

Стоит напомнить мысль С. М. Соловьева:

Поднять русское духовенство, давши ему могущество — науку, снабдивши его средствами восстановить свое учительское значение, свое нравственное влияние согласно с новыми потребностями, с новыми условиями, давши ему крепкое оружие для борьбы с враждебными влияниями; восстановить значе-

ние монастырей, противодействуя вовсе не монашеским побуждениям к монашеской жизни, прекративши злоупотребление материальными средствами обращением излишка этих средств на дела милосердия и просвещения; поднять белое духовенство, давши ему науку, учительскую способность и большие средства материальные, недостаток которых мешал успешному и достойному исполнению его обязанностей, — вот преобразовательная программа Петра относительно Церкви.

[Соловьев, 1995b, с. 109]

Как мы знаем, главными противниками Чернышевского были родовитые дворяне типа Тургенева и Льва Толстого. Последний все время подчеркивал свой графский титул. Можно сказать, что бунт Толстого против царя и государства был своего рода боярской фрондой. Да и герои его «Войны и мира» непременно графы да князья. Приведу наблюдение современного писателя:

Как упиваются автор и персонажи своим дворянством! Толстому дорого все, что есть дворянство, и этим он заражает читателя. Герои же ни на минуту не забывают о своем происхождении. И почему они непременно в каждой фразе прибавляют в обращениях друг к другу титул, хоть сто раз кряду? Достоевский точно подметил, что Толстой — это писатель дворянства. Ведь, скажем, в прозе Пушкина отсутствует эта дворянская спесь, словно масляная пленка по воде, покрывающая все содержание.

[Боровиков, 1999, с. 178]

Да, Пушкин резко выделялся среди дворянских писателей России, даже гениальных. Он написал:

Не офицер я, не асессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

Рифмуется с Чеховым, который был приписан к мещанскому сословию.

Именно эту независимость и гордость разночинца, при этом глубоко верующего, нес в себе Владимир Соловьев, гордясь отцом-профессором и дедом-священником. Когда отец умер, два брата и сестра (Владимир, Михаил и Мария) начали читать над ним Псалтырь, но потом Владимир Сергеевич отправил брата с сестрой спать и всю ночь читал один.

Как вспоминала сестра Соловьева:

Повернув опять в детскую, я в коридоре столкнулась с горничной Дарьей.
— А Владимир-то Сергеевич, ангел небесный, как в одну ночь с лица изменились! Даже жалости подобно.

К утренней панихиде приехала одна наша знакомая, сначала сидела у матери, потом вышла зачем-то в переднюю и, тихо плача, говорила Анне Кузьминичне: «А Володя-то, голубчик, золотое его сердце, как он изменился! Я просто ахнула, когда увидела. До того он любил отца! А еще иные считают его холодным и эгоистичным!.. Никогда в жизни не видела эдакой перемены в такой короткий срок! Точно годы и годы мучений перенес... А взгляд, несмотря на это, до того светлый и добрый, что просто всю душу мне перевернул».

Прошло много дней после смерти отца, прежде чем я увидела на лице брата улыбку. Плакать он совсем не плакал, только время от времени как-то особенно вздыхал и отдувался, точно ему не хватало воздуха.

[Безобразова, 2000, с. 334–335]

Понятно, что слова отца были своего рода заветом для сына, почти религиозным. Он их хранил в памяти, они были важны для него:

Отец имел, хоть и не близкое, личное знакомство с Чернышевским: им пришлось видеться и разговаривать всего два раза с промежутками в несколько лет. В первое свидание (если не ошибаюсь, в конце 1859 г.) Чернышевский очень понравился отцу, во второе (должно быть, в начале 1862 г.) он нашел в нем большую перемену, которую объяснял установившимся идолопоклонническим отношением к Чернышевскому окружавшей его литературной и общественной среды. (...) Впрочем, и слова отца, помню, были сказаны не столько в упрек Чернышевскому, сколько в обличение незрелости, несерьезности и холопского духа в русском обществе. (...) Отец с своей точки зрения полагал, что Чернышевский, возмужав, сумел бы отделаться от вредного действия общественных поклонений; фимиам передовых кружков испарился бы у него вместе с невинными социалистическими утопиями, и он стал бы настоящим умственным деятелем на пользу России. Тем сильнее было негодование отца на виновников катастрофы: «одни испортили, а другие совсем погубили». Подлинные выражения, которые я хорошо помню, были гораздо резче.

[Соловьев, 1989b, с. 643]

Заключение этой статьи своим тоном, взвешенностью словно отсылает читателя и в самом деле к Сергею Михайловичу, чувствуется интонация великого историка, спокойного, словно подводящего исторический итог человеческой жизни: «Нравственное качество его души было испытано великим испытанием и оказалось полновесным. Над развалинами беспощадно разбитого существования встает тихий, грустный и благородный образ мудрого и справедливого человека» [Соловьев, 1989b, с. 650].

* * *

И в заключение моей статьи я хотел бы поднять эсхатологическую тему. Классические и гениальные «Три разговора», где появляется как действующее лицо мировой истории антихрист, опубликованные в последний год его жизни, как бы подвели итог размышлениям Владимира Соловьева о судьбах России и Европы, очень печальный итог. Но мало кто обращал внимание, что в последней предсмертной статье «По поводу последних событий», абсолютно катастрофической по своему пафосу, говорившей, что «историческая драма сыграна», в духе «Трех разговоров», он ссылается на слова отца, с которым, видимо, советовался всю жизнь:

Что современное человечество есть больной старик и что всемирная история внутренне *кончилась* — это была любимая мысль моего отца, и когда я, по молодости лет, ее оспаривал, говоря о новых исторических силах, которые могут еще выступить на всемирную сцену, то отец обыкновенно с жаром подхватывал: «Да в этом-то и дело, говорят тебе: когда умирал древний мир, было кому его сменить, было кому продолжать делать историю: германцы, славяне, а теперь где ты новые народы отыщешь? Те, островитяне, что ли, которые Кука съели? Так они, должно быть, уже давно от водки и дурной болезни вымерли, как и краснокожие американцы. Или негры нас обновят? Так их хотя от легального рабства можно было освободить, но переменить их тупые головы так же невозможно, как отмыть их черноту». (...) Какое яркое подтверждение своему продуманному и проверенному взгляду нашел бы покойный историк теперь, когда вместо воображаемых новых, молодых народов нежданно занял историческую сцену сам дедушка-Кронос в лице ветхого денгми китайца, и конец истории сошелся с ее началом!

[Соловьев, 1914, т. 10, с. 225–226]

На этом прогностическом соображении отца и сына я завершаю статью.

Как было однажды сказано, имеющий уши — да услышит, имеющий глаза — да увидит, имеющий разум — да осознает.

Список источников

Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М.: Изд-во Правда, 1989. 621 с.

Безобразова М. С. Воспоминания о брате Владимире Соловьеве // Владимир Соловьев: pro et contra. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. Т. 1. С. 302–339.

Бибихин В. В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 416 с.

Боровиков С. В русском жанре. Над страницами «Войны и мира» // Новый мир. 1999. № 9. С. 176–182.

Величко В. Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения // Владимир Соловьев: pro et contra. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. Т. 1. С. 233–294.

Кантор В. К. Владимир Соловьев: имперские проблемы всемирной теократии // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 126–144.

Лопатин Л. М. Философское мирозерцание В. С. Соловьева // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 1 (56): Январь-февраль. С. 45–91.

Пыпина-Ляцкая В. А. Владимир Сергеевич Соловьев. Страничка из воспоминаний // Владимир Соловьев: pro et contra. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. Т. 1. С. 425–432.

Розанов В. В. Уединенное // *Розанов В. В.* Сочинения: в 2 т. М.: Изд-во Правда, 1990. Т. 2. С. 195–274.

Соловьев В. С. Значение государства // *Соловьев В. С.* Сочинения: в 2 т. М.: Изд-во Правда, 1989а. Т. 2. С. 549–561.

Соловьев В. С. Из литературных воспоминаний. Н. Г. Чернышевский // *Соловьев В. С.* Сочинения: в 2 т. М.: Изд-во Правда, 1989б. Т. 2. С. 639–650.

Соловьев В. С. Из письма к Е. В. Селевиной // Владимир Соловьев: pro et contra. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. Т. 1. С. 43–45.

Соловьев В. С. Кризис западной философии. (Против позитивистов) // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: в 10 т. / под ред. и с примеч. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1911. Т. 1. С. 27–151.

Соловьев В. С. Первый шаг к положительной эстетике // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: в 10 т. / под ред. и с примеч. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1914. Т. 7. С. 69–77.

Соловьев В. С. Письма к М. М. Стасюлевичу // Письма Владимира Сергеевича Соловьева / под ред. Э. Л. Радлова. СПб.: Тип. Общественная польза, 1908. Т. 1. С. 103–145.

Соловьев В. С. По поводу последних событий. Письмо в редакцию // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: в 10 т. / под ред. и с примеч. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1914. Т. 10. С. 222–226.

Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С. М. Сочинения. М.: Мысль, 1995а. Кн. XVIII: Работы разных лет. С. 529–660.

Соловьев С. М. Первые научные труды. Письма. М.: Археологический центр, 1996. 224 с.

Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С. М. Сочинения. М.: Мысль, 1995b. Кн. XVIII: Работы разных лет. С. 5–152.

Трубецкой С. Н. Смерть Вл. С. Соловьева // Владимир Соловьев: pro et contra. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. Т. 1. С. 207–215.

Чернышевский Н. Г. Апология сумасшедшего // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. VII. С. 592–618.

Чернышевский Н. Г. Суеверие и правила логики // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. V. С. 686–710.

References

Bakunin, M. A. (1989) *Filosofiya. Sotsiologiya. Politika* [*Philosophy. Sociology. Policy*]. Moscow: Pravda Publ.

Bezobrazova, M. S. (2000) “Vospominaniya o brate Vladimire Solov’evе” [“Memories of brother Vladimir Solovyov”], in *Vladimir Solov’ev: pro et contra. Vol. 1*. St. Petersburg: Izdatel’stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta [Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute], pp. 302–339.

Bibikhin, V. V. (2006) *Aleksei Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev*. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy [Institute of Philosophy, Theology and History of St. Foma].

Borovikov, S. (1999) “V russkom zhanre. Nad stranitsami «Voiny i mira»” [“In the Russian genre. Above the pages of ‘War and Peace’”], *Novyi Mir* [*New World*], 9, pp. 176–182.

Velichko, V. L. (2000) “Vladimir Solov’ev. Zhizn’ i tvoreniya” [“Vladimir Solovyov. Life and creations”], in *Vladimir Solov’ev: pro et contra. Vol. 1*. St. Petersburg: Izdatel’stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta [Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute], pp. 233–294.

Kantor, V. K. (2004) “Vladimir Solov’ev: imperskie problemy vsemirnoi teokratii” [“Vladimir Solovyov: imperial problems of the world theocracy”], *Voprosy Filosofii* [Questions of Philosophy], 4, pp. 126–144.

Lopatin, L. M. (1901) “Filosofskoe mirosozertsanie V. S. Solov’eva” [“Philosophical worldview of V. S. Solovyov”], *Voprosy Filosofii i Psikhologii* [Questions of Philosophy and Psychology], 1(56), pp. 45–91.

Pypina-Lyatskaya, V. A. (2000) “Vladimir Sergeevich Solov’ev. Stranichka iz vospominanii” [“Vladimir Sergeevich Solovyov. A page from memories”], in *Vladimir Solov’ev: pro et contra. Vol. 1*. St. Petersburg: Izdatel’stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta [Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute], pp. 425–432.

Rozanov, V. V. (1990) “Uedinennoe” [“Solitary”], in Rozanov, V. V. *Sochineniya: v 2 tomakh. Tom 2* [Works: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Pravda Publ., pp. 195–274.

Solov’ev, V. S. (1989a) “Znachenie gosudarstva” [“The importance of the state”], in Solov’ev, V. S. *Sochineniya: v 2 tomakh. Tom 2* [Works: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Pravda Publ., pp. 549–561.

Solov’ev, V. S. (1989b) “Iz literaturnykh vospominanii. N. G. Chernyshevskii” [“From literary memories. N. G. Chernyshevsky”], in Solov’ev, V. S. *Sochineniya: v 2 tomakh. Tom 2* [Works: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Pravda Publ., pp. 639–650.

Solov’ev, V. S. (2000) “Iz pis’ma k E. V. Selevinoi” [“From a letter to E.V. Selevina”], in *Vladimir Solov’ev: pro et contra. Vol. 1*. St. Petersburg: Izdatel’stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta [Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute], pp. 43–45.

Solov’ev, V. S. (1911) “Krizis zapadnoi filosofii. (Protiv pozitivistov)” [“The crisis of Western philosophy. (Against the positivists)”], in *Sobranie sochinenii Vladimira Sergeevicha Solov’eva: v 10 tomakh. Tom 1* [Collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov: in 10 vols. Vol. 1]. Eds and notes by S. M. Solov’ev and E. L. Radlov. 2nd edn. St. Petersburg: Prosveshchenie, pp. 27–151.

Solov’ev, V. S. (1914) “Pervyi shag k polozhitel’noi estetike” [“The first step towards positive aesthetics”], in *Sobranie sochinenii Vladimira Sergeevicha Solov’eva: v 10 tomakh. Tom 7* [Collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov: in 10 vols. Vol. 7]. Eds and notes by S. M. Solov’ev and E. L. Radlov. 2nd edn. St. Petersburg: Prosveshchenie, pp. 69–77.

Solov’ev, V. S. (1908) “Pis’ma k M. M. Stasyulevichu” [“Letters to M. M. Stasyulevich”], in *Pis’ma Vladimira Sergeevicha Solov’eva. Tom 1* [Letters from Vladimir Sergeevich Solovyov. Vol. 1]. Ed. by E. L. Radlov. St. Petersburg: Tipografiya Obshchestvennaya pol’za [Printing house Public benefit], pp. 103–145.

Solov’ev, V. S. (1914) “Po povodu poslednikh sobytii. Pis’mo v redaktsiyu” [“Regarding recent events. Letter to the editor”], in *Sobranie sochinenii Vladimira Sergee-*

vicha Solov'eva: v 10 tomakh. Tom 10 [Collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov: in 10 vols. Vol. 10]. Eds and notes by S. M. Solov'ev and E. L. Radlov. 2nd edn. St. Petersburg: Prosveshchenie, pp. 222–226.

Solov'ev, S. M. (1995a) “Moi zapiski dlya detei moikh, a esli mozhno, i dlya drugikh” [“My notes for my children, and if possible, for others”], in Solov'ev, S. M. *Sochineniya. Kniga XVIII: Raboty raznykh let* [Works. Book 18: Works of different years]. Moscow: Mysl', pp. 529–660.

Solov'ev, S. M. (1996) *Pervye nauchnye trudy. Pis'ma* [First scientific works. Letters]. Moscow: Arkheologicheskii tsentr [Archaeological Center].

Solov'ev, S. M. (1995b) “Publichnye chteniya o Petre Velikom” [“Public readings about Peter the Great”], in Solov'ev, S. M. *Sochineniya. Kniga XVIII: Raboty raznykh let* [Works. Book 18: Works of different years]. Moscow: Mysl', pp. 5–152.

Trubetskoi, S. N. (2000) “Smert' Vl. S. Solov'eva” [“Death of Vl. S. Solovyov”], in *Vladimir Solov'ev: pro et contra. Vol. 1*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta [Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute], pp. 207–215.

Chernyshevskii, N. G. (1950) “Apologiya sumasshedshego” [“Apology of a madman”], in Chernyshevskii, N. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 15 tomakh. Tom VII* [Complete works: in 15 vols. Vol. 7]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction], pp. 592–618.

Chernyshevskii, N. G. (1950) “Sueverie i pravila logiki” [“Superstition and the rules of logic”], in Chernyshevskii, N. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 15 tomakh. Tom V* [Complete works: in 15 vols. Vol. 5]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction], pp. 686–710.

Информация об авторе: Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: Vladimir K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher

School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 10.07.2024;
одобрена после рецензирования 01.09.2024;
принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 10.07.2024;
approved after reviewing 01.09.2024;
accepted for publication 10.09.2024.